

ЗНАКОМСТВО С АНТОНИО

Открылся занавес, и на большой сцене Дворца культуры имени Ленсовета, где проходят гастролы испанского балета Антонио, в лучах прожекторов возникли застывшие в непринужденных позах танцовщицы и танцовщики. Мгновенно неподвижности — перед зрителями словно оказалось броское живописное полотно, отмеченное подчеркнутой остротой рисунка, и пляской Эрутана испанской школы Болеро восемнадцатого века началась спектакль. Зазвучал говор звонких кастаньет, зашелестели пышные юбки, дробно застучали башмаки, подчеркивая ритмы плясок, и мастерство артистов увлекло зал.

Характер спектакля своеобразен. Виртуозная испанская чечетка, поразительная в своих ритмах и замедленных переходах от форте к пиано, почти до полного затухания звука и движения, передает основные темы балетного представления. Вместе с тем в хореографии ощущается классическая школа, придающая пляскам испанцев строгость и отчетливость пластических форм. Симфонический оркестр то и дело сменяется перзвонком гитар, танцы временами сопровождаютясь пением.

Так в старинной пляске Каши из репертуара Фламенко песни и танец образуют некий диалог, и великолепная танцовщица Розарио своими движениями и переступиванием кастаньет и каблучков отвечает фразам певца; горташю звучащая мелодия как бы вызывает к жизни новые и новые па танца, становящегося все более страстным и как бы завороженым. Причем, это эмоциональное нарастание (как и в некоторых других тан-

цах) достигается постепенным crescendo движений и темпов.

В андалузском танце Мирабра мы впервые увидели на нашей сцене знаменитого Антонио с его необычайным темпераментом и артистизмом, гибкого и поразительно точного, когда он вдруг после быстрого вращения застывает в графически обостренной позе. И мы поняли закономерность этой артистической славы. Антонио — виртуоз испанской пляски. Кисти его рук удивительно гибки, они передают малейшие оттенки непрестанно сменяющихся настроений, где страстное напряжение уступает место легкой грусти, а драматическая напряженность — дерзкому вызову. Его башмаки в испанской чечетке плетут еще более богатый мелодический и ритмический узор, чем кастаньеты. Непринужденность искусства Антонио такова, что его танец кажется импровизационным, особенно в те моменты, когда пляска снова и снова возобновляется в ответ на аплодисменты. Артист не только щедро раскрывает свою творческую фантазию и художественную одержимость, но как бы создает человеческий тип — свободолобивый, живущий в мире мелодий. Мы узнали Антонио не только как виртуоза, но и как мастера хореографической интонации. В блистательном Санатеадо па музыку Сараате многогранный смысл танцу придали именно оттенки движений. Бесконечно варьируемые ритмы и темпы, необычайное разнообразие дробных па внутри одной музыкальной фразы характеризуют искусство танцовщика.

Не приходится искать в гастрольном спектакле испанского

балета большой социальной или философской глубины, и в этом его известная ограниченность. Пожалуй, менее всего удался труппе Антонио одноактный балет на музыку де Фалья «Любовь и колдовство» с его наивными пиротехническими эффектами, где торжеству животворящей любви не удалось придать философский смысл. Тема любви во всем спектакле возникает более всего как послепок двух влюбленных; лирические дуэты чаще всего отмечены своеобразным духом вызова, бравады. Содержательнее спектакля — как бы вариации на одну и ту же тему.

Потому особым в программе оказался танец, исполняемый Антонио в ритмах старинной песни кузнецов (именно в ритмах, ибо этот номер программы сопровождается не игрой музыкальных инструментов, а постукиванием молотка и отдельными вокальными фразами, своеобразными горташными вскриками мужчин-певцов). В этом танце, где Антонио особенно ярко обнаруживает, что его движения — это тоже музыка, выраженная пластикой, жестом, почувствовалась отзвуки извечной италийской тоски, трагедия бродяжничества, горечь одиночества и вечного некашья воли и покоя. Откинут корпус... Причудливо заломлены руки... А ноги танцовщика, почти не сходящего с места, все повторяют свой дробный припляс; в неожиданных вращениях заключен порыв к свобо-

де, словно человек хочет вырваться из духовного плена.

В слаженной труппе Антонио, кроме великолепной танцовщицы Розарио, необходимо назвать виртуозную Мариашу, темпераментную Тео Сантелмо, изящного Хосе Антонио. Жаль, однако, что на некоторых танцах как будто лежит печать эстрады, пусть высокого класса, но все-таки эстрады. Искусство испанских артистов будто отлакировано, покрыто каким-то своеобразным глянцем и в своем великолепном профессионализме утеряло нечто сокровенное.

Характер стиля балета Антонио выражается в своеобразии наиболее эффектных женских костюмов, где контур густо накрахмаленной шелестящей испанской юбки, спереди поднятой до колен, создает впечатление, словно этот костюм — плод стилизации национальной испанской одежды для пышного ревию. В этой отдельной детали, как это иногда бывает в искусстве, пожалуй, можно усмотреть важную примету вкуса труппы.

Снова и снова в ответ на аплодисменты зала танцовщица и танцовщик труппы Антонио пляшут в финале спектакля. Зрители словно разражаются, расцветают в огнях рампы. Мастерство полно жизнерадостности. И в этом — залог успеха спектакля, опущение удовольствия от знакомства с испанскими гастролерами.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО